

II.

Пеихологія поэтическаго образа въ примѣненіи къ воспитанію *).

Я выбралъ для своей академической бесѣды одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые ставились и разрѣшались много разъ.

„Это фактъ всѣмъ извѣстный, это прописная мораль“ — говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, когда заходитъ рѣчь о поэтическомъ творествѣ, о воспитательномъ значеніи поэзіи и т. п.

Но... солнце остается всегда солнцемъ, всегда является однимъ и тѣмъ же фактомъ, а между тѣмъ, съ каждымъ столѣтіемъ, десятилѣтіемъ, измѣняется человѣческая точка зрѣнія на этотъ источникъ тепла и свѣта, измѣняется само красное солнышко въ людскомъ представленіи.

Такъ и въ данномъ случаѣ: намъ, педагогамъ, постоянно приходится совершать вмѣстѣ со своей юной аудиторіей маленькія открытія, вносить маленькія поправки иногда въ прочно установившіяся положенія того прикладнаго знанія, которое называютъ теперь педагогіей.

И мнѣ кажется, что эти поправки не безынтересны,—уже потому, что школа для современнаго педагога представляетъ не только поле для проявленія своихъ дидактическихъ приѣмовъ, своего учительскаго таланта, а своего рода лабораторію для наблюденія весьма любопытныхъ психологическихъ процессовъ, явленій, такъ сказать, на корню, въ живомъ ихъ ростѣ и развитіи; для провѣрки тѣхъ выводовъ, которые дѣлаются на широкой аренѣ всѣхъ гуманитарныхъ знаній, въ особенности—психологіи и языкознанія.

Солнце поэзіи всегда было благодатнымъ источникомъ свѣта и жизни, и его благодѣтельная энергія всегда имѣла огромное значеніе въ психологіи единицъ и народовъ, но на это солнце смотрѣли въ разное время, въ различно-окрашенные очки, и оно являлось не всегда и не всѣмъ однимъ и тѣмъ же фактомъ.

На берегахъ Эллады, много вѣковъ тому назадъ, чудный геній древнихъ эллиновъ создалъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ сказокъ—миѳовъ про все, что дѣлается на землѣ, на небѣ, въ душѣ человѣка.

Кому не извѣстенъ образъ жреца-поэта, служителя Аполлона, питомаца Феба, вдохновляемаго музами, бряцающаго на лирѣ.

Онъ творить, создаетъ не самъ по себѣ, а по призыву свыше, вслѣдствіе особаго рода маніи, когда посѣтитъ его божество, когда оно

*) Рѣчь, произнесенная на актѣ Коммерческаго училища 17-го сентября 1905 года.

пожелаетъ гласить его устами, когда онъ, этотъ избранникъ неба, становится по малорусскому выраженію „несамовитимъ, божевилямъ“.

Онъ самъ не владѣетъ собою,—онъ во власти божества.

Сказка эта пришлась по вкусу и большимъ, и маленькимъ поэтамъ „по призванію“, а не по ремеслу.

Она легла въ основу и ученыхъ трактатовъ о поэзіи, поэтѣ, вдохновеніи и лирическихъ признаній самихъ мастеровъ поэзіи о своемъ творествѣ.

Надо родиться поэтомъ,—это ужъ особаго рода звѣзда.

Они, эти прирожденные поэты, творятъ; обыкновенные смертные ихъ слушаютъ, читаютъ, восторгаются, наслаждаются, поучаются. Оставаясь избранниками неба, они творятъ не для другихъ, а для себя, для посвященныхъ—и непосвященные, профаны, пожалуйте, подальше отъ ихъ алтаря, безмолвствуйте и благоговѣйте.

По разнымъ причинамъ дошли эти „исключительныя“ натуры до такого, на первый взглядъ, парадоксальнаго заключенія; и мы не будемъ на этомъ останавливаться; замѣтимъ только, что доля правды въ этомъ горделивомъ заявленіи есть.

И эту долю правды мы разсмотримъ съ нѣскольکو иной точки зрѣнія, чѣмъ та, на которой стоятъ бряцающіе на лирахъ поэты.

Психологія языка, занимаясь не переборами звуковъ, а живыми процессами мысли, происходящими при участіи слова, пришла къ цѣлому ряду очень цѣнныхъ выводовъ и относительно психологіи поэтическаго творчества, поэтическаго образа.

И мы теперь, на мѣсто алтарей, Аполлона, музъ, вдохновенія и прочаго наслѣдія сѣдой древности, можемъ поставить болѣе простыя вещи и будемъ стоять ближе къ дѣйствительности, къ истинѣ.

Отъ древней греческой сказки, къ которой прислушиваются еще многіе, останется очень мало...

Вотъ эти положенія—поэзія и проза—суть два вѣковѣчные приѣмы мысли, которые въ ихъ простѣйшемъ видѣ даны въ языкѣ, которые и въ болѣе сложныхъ формахъ можно наблюдать въ самой обыкновенной рѣчи самыхъ простыхъ смертныхъ, и на толкучемъ рынкѣ, и въ торжественныхъ собраніяхъ избраннаго общества.

Никакихъ жертвенниковъ, Аполлоновъ, музъ не надо... Дѣло прекрасно обойдется и безъ нихъ.

Такъ называемое избранничество сводится къ тому, что у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, благодаря опредѣленнымъ условіямъ, проявляется съ особенною силою склонность къ художественному, поэтическому синтезу, а у другихъ—къ прозаическому, научному анализу.

Мышленіе по аналогіи, мышленіе по формулѣ — „то, что я вижу, слышу, похоже, напоминаетъ мнѣ то, что я слыхалъ, видѣлъ раньше“—есть достояніе каждаго смертнаго, а вдохновеніе, по словамъ Пушкина, отдѣлавшагося рано отъ классической миѳологіи, есть не что иное, какъ живѣйшее расположеніе души къ воспріятію впечатлѣній, сопоставленію ихъ, и, слѣдовательно къ объясненію. Вдохновеніе нужно и въ геометріи, въ наукѣ.—Оставимъ въ сторонѣ науку, обратимся къ поэзіи искусству.

„Поэзія, какъ и наука, по словамъ Потебни, есть лишь способъ мышленія, употребляемый взрослыми и дѣтьми, цивилизованными и дикими, нравственными и безнравственными. Она не только тамъ, гдѣ великія произведенія (какъ электричество, не только тамъ, гдѣ гроза), а какъ видно изъ ея эмбріональной формы, т. е. слова, вездѣ, ежечасно, ежеми-

нужно, гдѣ говорить и думать“. Да образное, поэтическое слово, отдѣльно взятое, можетъ заключать въ себѣ всѣ стихіи сложнаго поэтическаго произведенія, и такія слова создаются ежечасно, ежеминутно, въ пылу, такъ сказать, сраженія, когда нашей мысли надо схватить, поймать, понять, что просить у сердца отвѣта, что задѣваетъ нашъ логическій аппаратъ. Тутъ въ разгарѣ битвы мысли съ выраженіемъ не до спокойнаго анализа, науки, разсужденія по плану и пр., и лучшимъ оружіемъ является здѣсь лишь поэтической образъ.

Психологія поэтическаго образа, процесса созданія и пользованія имъ можетъ быть въ немногихъ словахъ выражена такъ: „Поэзія, какъ особаго рода дѣятельность, есть преобразование мысли (самого автора, а затѣмъ—всѣхъ тѣхъ, которые иногда многіе вѣка примѣняютъ его произведеніе) посредствомъ конкретнаго образа, выраженнаго въ словѣ. Иначе: она есть созданіе сравнительно обширнаго значенія при помощи единичнаго образа (знака).

И въ дѣятельности заправскихъ поэтовъ, и въ умственной работѣ обыкновенныхъ смертныхъ мышленіе при помощи поэтическаго образа, образное мышленіе выражается въ двухъ типичныхъ случаяхъ: 1) когда образъ создается самимъ поэтомъ, возникаетъ у него подъ вліяніемъ впечатлѣній мимо текущей жизни, личныхъ переживаній, чувствованій настроеній, требующихъ объясненія; 2) когда поэтъ пользуется готовымъ образомъ, вызывающимъ у него своеобразное движеніе мысли, ея преобразование. „Евгеній Онѣгинъ“—Пушкина, напримѣръ, можетъ служить прекрасной иллюстраціей перваго типа творчества. „Король Лиръ“—Шекспира легко возводится къ очень распространенному у всѣхъ европейскихъ народовъ сказанію объ отцѣ и трехъ дочеряхъ и потому можетъ быть отнесенъ ко второму типу творчества.

Геній англійскаго поэта расширилъ, углубилъ этотъ странствующій поэтической образъ; сказка, каторая и у насъ въ Малороссіи встрѣчается, вызвала геніальную творческую работу у Шекспира, а образъ великаго британскаго драматурга далъ Тургеневу уголь зрѣнія на событія въ одной русской помѣщицѣй семьѣ („Степной Король-Лиръ“).

Читатель—Тургеневъ превратился въ автора-поэта.

Можетъ-ли это случиться съ обыкновеннымъ смертнымъ, не Тургеневымъ и не Шекспиромъ?

Да, можетъ, случается, бываетъ всегда, когда поэтической образъ является не средствомъ добыть, такъ называемую, основную идею, а именно средствомъ преобразования своихъ мыслей, своихъ чувствъ, когда онъ не разбирается по указкѣ критика, учителя, а просто понимается и вызываетъ то живѣйшее расположеніе духа къ воспріятію впечатлѣній, сопоставленію и объясненію ихъ, о которомъ говоритъ Пушкинъ.

Чудная статья Добролюбова „Темное Царство“ можетъ быть разсматриваема съ этой точки зрѣнія, какъ творчество художественнаго пошиба, вызванное поэтическими образами комедіи Островскаго.

Чтеніе поэтическаго произведенія, его пониманіе (то-есть, критика въ лучшемъ смыслѣ слова), есть своего рода возсозданіе его по своему изъ запаса своихъ собственныхъ впечатлѣній, переживаній, есть созданіе каждый разъ новаго поэтическаго образа.

Такое чтеніе, пониманіе требуетъ отъ читателя того вдохновенія, которое считалось раньше, да и теперь подчасъ считается привиллегіей избранныхъ-поэтовъ.

Учить такого рода чтенію не значитъ выводить основныя идеи, а приучать присматриваться къ тому, *какъ* сотканъ образъ, *какъ* онъ возникъ (пісня тчется, по малороссійскому выраженію)...

Продѣлать эту работу—значитъ пройтись по той дорожкѣ, по которой шель авторъ,—найти, если хотите, основу самой ткани...

Тогда нѣтъ нужды ставить вопросъ *что* сей сонъ значитъ, какая основная идея? Тогда на это *что значитъ*,—будетъ готовъ отвѣтъ въ сердцѣ читателя; тогда читатель этотъ, по словамъ Гете, будетъ настоящій читатель, который забудетъ съ нимъ, поэтомъ, весь міръ, котораго сердце будетъ биться въ унисонъ съ сердцемъ творца.

Тогда одъ выработаетъ въ себѣ навѣкъ ходить по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ любить пробираться человѣкъ (а мастера поэзій—въ особенности)—къ истинѣ, правдѣ, добру.

Оба процесса рѣчи и пониманія, поэтическаго творчества и критики, сопровождаются тѣмъ особымъ подъемомъ духа, тѣмъ особеннымъ повышеннымъ бивіемъ пульса жизни, которому мы даемъ названіе—радости, восторга, наслажденія.

Но важна не эта радость и проч., а то, что каждый актъ мысли, въ томъ, и другомъ случаѣ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, актъ самопознанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, познанія другихъ.

Говорятъ обыкновенно: „чужая душа потемки“, нѣтъ—и „своя душа потемки“, и эти потемки требуютъ постоянно свѣта, требуютъ того, что называютъ нѣмцы „innere Anschauung“, а лучшимъ средствомъ для этого внутренняго созерцанія служить прежде всего поэтической образъ, образное мышленіе, привычка къ нему.

Старая школа учила поэзій—и учила, правду сказать, плохо. Ея ученики, нерѣдко очень образованные люди, до сихъ поръ еще видятъ поэзію только у стихотворцевъ, только въ тропяхъ и метафорахъ.

Для нихъ Гоголь, Тургеневъ, Чеховъ—только писатели-беллитристы, но не поэты.

Воображеніе, фантазія—эта творческая сила была въ большомъ подзрѣніи и ставилась на раду съ пустою мечтательностью. Прежняя школа боялась развитія фантазій, связывая съ этимъ представленіе о ненужномъ идеальничаніи, излишней сантиментальности.

Мы знаемъ, до чего она довела блѣдность мысли, выраженія, безцвѣтность содержанія, такъ называемыхъ, ученическихъ сочиненій, какъ она превращала самое писаніе этихъ сочиненій въ какое-то истязаніе по хріи, или по другому способу.

Мы знаемъ этихъ безличныхъ, вялыхъ юношей, ищущихъ восторга во всякаго рода наркотикахъ; этихъ преждевременныхъ стариковъ, тоскующихъ, унылыхъ, скужающихъ,—людей, у которыхъ своихъ словъ нѣтъ, у которыхъ нѣтъ пѣсни про черный день.

Не праздная мечтательность, не фантазированіе во вкусѣ Манилова составляютъ природу человѣка, поэтически настроеннаго, наклоннаго къ поэтизированію, образному мышленію; не восторженнаго до слезъ созерцателя всякихъ красотъ воспитываетъ истинная поэзія, а человѣка-бойца, человѣка вооруженнаго мѣткимъ словомъ, человѣка, умѣющаго претворять самыя обыкновенныя, повидимому, впечатлѣнія въ готовые формулы, которыя, когда нужно, явятся сами собой (по вдохновенію) изъ запаса мимолетныхъ впечатлѣній, встрѣчь, случаевъ и самыхъ незначущихъ моментовъ жизни.

Для настроеннаго такъ человѣка какая-нибудь дѣтская загадка можетъ стать прекрасной формулой, объясняющей очень сложныя явленія жизни.

За примѣрами не надо далеко ходить. Есть молороссійская загадка: „Одно каже: свѣтай Боже; друге каже: не дай, Боже; третье каже: мені усе равно!“ Окно проситъ свѣта; дверь не желаетъ: будутъ ходить, хлопать; балка посреди потолка равнодушна. Какъ прекрасно схватывается этой загадкой различное настроеніе различныхъ классовъ во время какой-нибудь коренной ломки, крутой реформы. Она сразу даетъ мѣсто всеѣмъ элементамъ, она позволяетъ сразу разобраться въ этихъ различныхъ толкахъ, сомнѣніяхъ, пересудахъ, опасеніяхъ.

Чисто юнкерское двустипіе Лермонтова—о любви:

„На время не стоить труда“

„А вѣчно любить невозможно“.

(Ну, и долой любовь) можетъ стать прекраснымъ поэтическимъ образомъ, объясняющимъ всю несостоятельность безосновательной расправы Л. Н. Толстого съ наукой: „Наука обѣщала человѣчеству счастье. Полнаго счастья она не дала и не можетъ дать, а потому долой науку!“

Такая поэзія всюду: и въ книгѣ, и въ устномъ преданіи, и въ личныхъ наблюденіяхъ, нужно умѣть только ею пользоваться. У Шекспира мастерами въ этомъ дѣлѣ являются простые могильщики. Пусть это личный капризъ британскаго генія, надѣливаго простыхъ смертныхъ такимъ образнымъ мышленіемъ, вліяніе извѣстной школы, но на мой взглядъ это лучшая иллюстрація вышесказаннаго. Поэзія, какъ и жизнь,—всюду: она посѣщаетъ одинаково и голову празднаго гуляки, и обитель таланта, генія. Вотъ предъ вами практически смѣтливый, находчивый человѣкъ. Какой богатый у него запасъ словъ, мѣткихъ образовъ—и чужихъ, и своихъ! А люди съ огромнымъ умственнымъ и моральнымъ вліяніемъ—какая у нихъ масса аналогій, поэтическихъ образовъ въ ихъ живой, увлекательной рѣчи. А дѣти!.. Да это прямо таки „поэты Божьей милостью“. Не говоря уже о томъ, что имъ больше всего доступны тѣ архаическія формы мысли (олицетворенія, одушевленія), которыми пользуются и настоящіе поэты,—для нихъ нѣ научный анализъ, горькіе корни ученія, всякія правоченія прямо-таки недоступны, для нихъ поэтическая формула ближе, роднѣе. Она скорѣе разбудитъ ихъ умъ, откроетъ ихъ сердце, чѣмъ тягеловѣсное разсужденіе, логическое доказательство *).

Попробуйте имъ доказать какое-нибудь нравственное положеніе—они окажутся, противъ своей воли, такими софистами, что вы спасуете. Надо иначе.

Вотъ толпа дерущихся: одинъ ударилъ другого, за этого заступился третій—и пошла потасовка. Хотите ихъ остановить, успокоить. Выслушайте, какъ было дѣло, и, вмѣсто наставленій, припомните имъ извѣстную приговорку: „Коза дере лозу, хлопъ—козу, хлопа—пань и т. д. Разсмѣются, и буря уляжется. Поневоля вспомнишь Тютчевскіе стихи „Поэзія“

„Среди громовъ, среди огней,

„Среди клокочущихъ зыбей,

„Въ стихійномъ пламенномъ раздорѣ

„Она съ небесъ приходитъ къ намъ,

„Небесная, къ своимъ сынамъ,

„И на бунтующее море

„Льетъ примирительный елей“.

*) Разсказъ А. Чехова—„Дома“ прекрасно иллюстрируютъ эту мысль
Прим. В. Л.

128

Въ данномъ случаѣ вы вмѣшались не для исполненія своей обязанности прощенія, наказанія и пр., нѣтъ,—вы дали урокъ поэзіи въ самый подходящий случай, вы дали случай воспользоваться поэтическимъ образомъ для рѣшенія жизненной задачи, когда умъ анализирующій отказывается, не въ состояніи рѣшить ее, и пускаются въ ходъ кулаки—и не только дѣтьми, но и взрослыми.

Если задача воспитанія и образованія состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы открыть широкую и вольную дорогу къ самовоспитанію, самообразованію, то приучить къ образному мышленію въ то время, когда до настоящей науки далеко еще, создать навыкъ пользоваться этой силой—значитъ дать въ руки самое надежное средство, самый лучший, благороднѣйшій изъ видовъ самопомощи.

Въ кипучіе дни юности, усиленнаго роста мысли и чувства „ума холодныя размышленія“ не скажутъ того, что скажетъ мѣткое слово, пословица, сказочка, прибаутка, двустипіе поэта, какая-нибудь новелла.

И это вовсе не отъ того, что „молодо, моль, зелено“, не отъ неумѣнія разсуждать, а того „некогда“, которое вы всегда подмѣтите во время спѣшной постройки. А постройка идетъ крупная, спѣшная. Въ какія-нибудь 15—20 лѣтъ юности надо подняться на высоту мысли, завѣщанной столѣтіями, надо разобраться въ явленіяхъ жизни, усложненной долгимъ историческимъ процессомъ.

А вотъ другой случай отъ дѣйствительности къ поэзіи,—случай самостоятельнаго творчества.

Присмотритесь къ дѣтямъ, играющимъ въ „свою игру“. Это настоящіе поэты, художники. Каждая мелочь рождаетъ ихъ изобрѣтательность; веселью, радости—нѣтъ конца. Текущая жизнь, война, сезонныя работы въ деревнѣ, мастерская ремесленника, занятіе взрослыхъ, желѣзная дорога—все попадаетъ въ эту фабрику, своеобразно воспроизводится, возбуждаетъ работу мысли, истинно творческую, созидательную. У меня была пріятельница Лина, 8-ми лѣтъ, которая заставила меня однажды крѣпко задуматься. Возвратившись изъ школы, она забралась въ свою комнату и одна играла. Какой-то странный стукъ, возгласы, окрики—невольно обратили вниманіе матери. Что такое? Идетъ игра въ школу. Лина дѣлаетъ замѣчаніе, выговоры, сердится, наказываетъ. Это кто такъ стучитъ и кричитъ?—Это М. Н. Коровка, изображающая М. Н., великолѣпно выбрана. А это?—Н. П. Опять удачный выборъ козлика, великолѣпно выражающаго типичную особенность знакомой намъ учительницы. Игра продолжается въ наше отсутствіе, но мы наблюдаемъ. Да это цѣлый животный эпосъ—подумалъ я, въ самомъ процессѣ возникновенія. Тутъ пущена въ ходъ и пластика, и мимика, и декламация! Такъ 8-ми лѣтній ребенокъ уяснялъ себѣ новыя странныя для него школьныя отношенія, впечатлѣнія.

Въ этой игрѣ онъ нашелъ успокоеніе своимъ чувствамъ; эта игра дала ему возможность возвыситься надъ этими школьными порядками, отдохнуть отъ нихъ.

Дѣтямъ присуща поэтическая жилка, и мы, игнорируя это, забываемъ великое слово Божіе: „Не угашайте духа“. Да, не угашайте духа въ духѣ старой системы обученія. Не надо смотрѣть на слово, какъ на готовый препаратъ, какъ на засушенное въ гербаріи растеніе, не надо ставить сотни наводящихъ вопросовъ на анализъ поэтического образа. Достаточно двухъ: *что* онъ значить и *какъ*. Прежняя система обученія интелсировались вопросомъ: *что*, искала въ образѣ правоученія, основной мысли.

Особенно грѣшили въ этомъ спеціальныя мастера дидактической поэзіи съ ихъ нравоученіями, выводами, доказательствами: басня сія учить и пр.

Лучшимъ нравоученіемъ, если ужъ оно нужно, можно считать такія, какъ: „Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью. Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!“

Болѣе важнымъ въ процессѣ созданія образа для самого поэта и для читателя, не *что* сей сонъ значить, а *какъ* созданъ этотъ образъ, какъ онъ снить? Тогда и ребенокъ, и юноша лучше поймутъ не *что* значить, а *что* онъ можетъ означать?

Любуясь, наслаждаясь такими вещами, какъ „Острою сѣкирою рана берега“ или „Надъ пустыней въ полдень знойный“, они легко поймутъ ихъ генезисъ, они научатся и въ своихъ пропадающихъ даромъ обыкновенно впечатлѣніяхъ находить такія, которыя обратятся, когда нужно, въ поэтическіе образы. Этому, если хотите, не надо учить, это надо показывать только и, такимъ образомъ, воспитывать. Тогда молодежь приучится пользоваться своими личными впечатлѣніями, превращать ихъ въ запасъ поэтическихъ образовъ, тогда она научится „съ природой жизнью одною дышать, и будетъ имъ звѣздная книга ясна, съ ней заговорить и морская волна“. И уличная сцена, и событіе въ дѣтской, и случай въ классѣ—все можетъ стать образомъ, объясняющимъ въ инныя минуты, въ инныя моменты, многое и многое,—образомъ, который поможетъ имъ схватить, уловить типичныя явленія жизни, сложныхъ человѣческихъ отношеній.

Не воспитывать, не развивать этого—значить, примѣрно, поступать такъ: Господомъ Богомъ дана человѣку пара легкихъ, и вотъ одна половина атрофируется въ цѣляхъ обученія, пусть себѣ живетъ и дышетъ человѣкъ однимъ легкимъ. Нѣтъ, проза и поэзія, анализъ и синтезъ, какъ приливъ и отливъ, органически тѣсно связаны другъ съ другомъ, и всестороннее воспитаніе не должно дѣлать исключенія и въ этомъ случаѣ.

Дѣло, повторяю, при этомъ не столько въ сообщенія вашихъ идей по поводу такого то произведенія, а въ развитіи навыка къ образному мышленію, въ развитіи способности добывать образы всюду,—и на пышныхъ играхъ Мельпомены, и въ шуткѣ площадной. Тогда не будетъ скуки, тогда исчезнетъ тоска, тогда разсѣется желтый туманъ, окутывающій нерѣдко юность. Тогда душа будетъ открыта для новыхъ и новыхъ впечатлѣній. Односторонности, узости, чертовому радикализму не будетъ тогда мѣста въ сердцахъ юнаго поколѣнія, какъ и той зараженности опредѣленными идеями, когда, прочитавши послѣднюю вышедшую книжку, юноша, а иногда и сѣдобородый отрокъ, повторяетъ исторію Рыцаря печальнаго образа съ самой неприглядной стороны. Тогда образуется та широта міровоззрѣнія, которая возвышаетъ человѣка надъ жизнью, съ ея постоянно возникающими грозными признаками, загадками; тогда сказочка, слышанная въ дѣтствѣ, пустой анекдотъ явится на помощь и въ такую минуту, когда дѣло идетъ о своей головѣ, о своей жизни, счастіи.

Отличительной чертой поэтического образа считали, да и теперь иногда считаютъ, красоту, порождающую восторгъ, умиленіе и пр. Анализъ процесса созданія поэтического образа, признанія самихъ мастеровъ слова, говорятъ объ особомъ подъемѣ духа, объ особомъ жизнерадостномъ настроеніи, о сладкихъ мукахъ творчества, сладкихъ молитвахъ. Эта радость, этотъ святой восторгъ, составляютъ привходящій элементъ всякаго, въ томъ числѣ—и поэтического творчества. Это тѣ счастливыя минуты,

которыми такъ дорожилъ Пушкинъ, въ которыхъ онъ находилъ единственное утѣшеніе въ далеко несладкой жизни своей. Если счастье дѣтей, счастье подросткающаго поколѣнія, дорого истиннымъ воспитателямъ, то созданіе такихъ минутъ и образованіе навыка къ этому есть одна изъ крупныхъ задачъ воспитанія.

Жизнь и дѣтямъ, и взрослымъ постепенно предлагаетъ загадки, задачи, требующія немедленнаго, быстраго разрѣшенія.

Некогда бываетъ колебаться, сомнѣваться, думать, анализировать; надо имѣть въ запасѣ готовые, если не рѣшенія, то средства къ ихъ рѣшенію, готовые формулы. Обыкновенно, говоря о воспитательномъ значеніи поэзіи, имѣютъ въ виду тѣ хорошія мысли, нравственныя идеи, тѣ добрыя чувства, которыми заражаетъ поэтическій образъ читателя, слушателя. Въ этомъ смыслѣ примѣняются извѣстныя слова Гоголя, обращенныя къ молодежи: „Забирайте съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте... не подымете потомъ“. Я бы измѣнилъ примѣненіе этихъ словъ: „Пусть молодежь запасается въ юности этими образами-формулами, пусть она запасается этимъ оружіемъ въ арсеналѣ устнаго преданія, родной литературы; трудно будетъ безъ нихъ потомъ, когда жизнь потребуетъ битвы, когда суতোлка дня окутаетъ ихъ туманомъ мелочныхъ недоразумѣній, предубѣжденій“.

Для счастья дѣтей надо работать въ этомъ направленіи, и юное поколѣніе тогда „и счастье постигнетъ на землѣ, и въ небесахъ увидитъ Бога“.

В. Харціевъ.